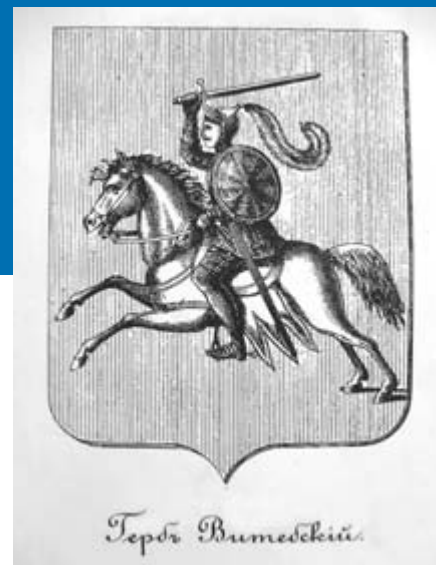

Иван Беляев

В мятежных губерниях

Оборот оружия в царской России

В конце XVIII века территория Польши трижды подвергалась разделам, в результате которых завоёванные ею территории отходили Пруссии, Австрии и России. России отошли Белоруссия, Правобережная Украина, Литва, Курляндия и т. д. В 1830-31 годах в Польше вспыхивает восстание, затронувшее и «возвращенные от Польши губернии».

Архивные документы свидетельствуют, что во время в «...возвращённых от Польши губерниях мятежа, а в Ц. Польском военных действий...» у населения, не принимавшего участия в мятеже, конфисковывалось огнестрельное оружие. У кого именно и на основании чего, вопрос пока открытый, так как, в принципе, с учётом сложившейся ситуации оружие могло быть изъято у любого. Среди лиц, у которых было конфисковано оружие, упоминаются судья, отставной генерал и даже «...бывший Подольский Гражданский Губернатор Граф Грохольский...», но, вместе с тем, фигурирующие в документах формулировки: «относительно возврата польским жителям оной Губернии отобранных от них охотничьих ружей...» или «...сделать распоряжение, о оставлении при [русских] жителях возвращённых от Польши Губерний имеющегося у них ручного оружия...» – и польские фамилии упомянутых выше лиц, дают нам право предполагать, что для русского населения этих губерний могли быть сделаны исключения.

Скорее всего огнестрельное оружие в первую очередь искали не у крестьян, а у лиц, по мнению власти, представлявших для неё большую опасность: помещиков и других обеспеченных жителей губерний, особенно, если они были нерусского происхождения. Оружие изымалось и у католических церквей.

Надо отметить порядок, с каким изымалось оружие. Оно учитывалось. Изъятые у крестьян оружие записывалось числом на имение.

Все изъятые оружие сдавалось в артиллерийские арсеналы. Оружие, если оно не представляло никакой ценности и было годным, записывалось в приход и оставлялось на хранение, ценное могло быть отправлено, как, например, найденное в имении графа Потоцкого,

«...Министру Императорского Двора». Если оружие было ржавым и ни на что не годилось, а такого, судя по реестрам, было достаточное количество, оно разбиралось на части и продавалось с аукциона. По распоряжению императора такие аукционы следовало проводить «...во Пскове, или каком-либо другом отдаленном от Двины месте». В числе лиц, конфисковывавших оружие у населения, в документах упоминаются некий командир пехотного полка, который у отставного генерал-майора Козловского «...взял подь квитанцію...» два фальконета, и чиновник особых поручений при гражданском губернаторе.

Сказать, кем ещё и по чьему распоряжению конфисковывалось оружие у населения до лета 1831 года, сегодня на основании изученных документов нельзя. Самым ранним известным документом, регламентирующим изъятие у населения мятежных губерний оружия является отношение от 12 июня 1831 года Киевского гражданского губернатора В. С. Катеринича «Командиру киевского арсенала полковнику Скордули», в котором Губернатор сообщал о полученном им предписании «...Господина управляющего министерством внутренних делъ съ изъяснением Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеления объ отборе от жителей возвращенных от польши губерний всякаго рода оружия...» и просил командира арсенала сделать нужные распоряжения для приёма конфискованного оружия.

На основании этого высочайшего повеления губернатором было предписано городничим и земским исправникам распорядиться «...объ отборъ у жителей всякаго рода оружия ...» и объявить об этом всем «...жителямъ съ подтисками...». При сдаче оружие должно было приниматься по, так называемому, «частному реестру», в котором было описание оружия «...съ означениемъ рода и калибра,

а также прочности или ветхости...». В этом же реестре владелец оружия расписывался, что кроме указанного у него никакого больше оружия не имеется.

Городничие и земские исправники, в свою очередь, должны были вести общие реестры, в которых указывалось, у кого и в каком состоянии отобрано оружие. Сдававшие оружие имели право пометить своё оружие или сдавать его в отдельных опечатанных ящиках.

Это повеление примечательно тем, как мудро к его выполнению подошёл Киевский губернатор. Выше уже упоминалось, что оружие могло пометаться и сдаваться в отдельных запечатанных ящиках, что было инициативой губернатора, которого в данном вопросе смело можно назвать прозорливым, потому что сначала в сентябре 1831 года император повелел *«Считать все сіе оружіе и вещи отобранные въ казну безвозвратно.»*, но затем, 28 декабря 1831 г., изменил своё решение.

26 августа 1831 года инспектор киевских арсеналов ген.-лейтенант Козен докладывал в Арт. Департамент о распоряжении Киевского губернатора, уточняя при этом, *«...безвозвратно ли упомянутые вещи поступили въ казенное ведомство кроме отобранныхъ отъ мятежниковъ или на временное сохранение?»*. Директором же Арт. департамента этот вопрос был доложен императору, который, как мы уже сказали, повелел *«Считать все сіе оружіе и вещи отобранные въ казну безвозвратно.»*

Тем не менее 31 октября 1831 года уже Киевский военный губернатор Б. Я. Княжнин обратился к Министру внутренних дел *«на счёт дозволения жителямъ Киевской Губернии изъ поляковъ имѣть ручное оружіе необходимо для истребленія хищныхъ зверей стрелянія птицъ и употребленія въ дороге»*.

12 декабря 1831 года *«...назначенный для разсмотрения разныхъ предложений относящихся до Губерний от Польши возвращенныхъ»* комитет под председательством князя В. П. Кочубея *«...слушалъ внесенное въ оный по Высочайшему повелению Управляющимъ Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества дело об отобранномъ у жителей сихъ Губерний оружіе»*. Комитет признал, *«что при восстановленіи нынѣ въ Западныхъ Губерніяхъ порядка и спокойствія, нынѣ настоятельной необходимости, и не было бы даже возможности запрещать жителямъ сихъ Губерній имѣть при себѣ ручное оружіе, безъ коего нельзя обойтись для истребленія хищныхъ зверей, стрелянія птицъ и в дороге, а равно оружіе почетное, если кому присвоено право на ношение онаго»* и постановил: за исключением оружия *«калиберного, а равно найденного где-либо в целыхъ складахъ и Депо, или вообще в количествѣ несоразмерномъ съ действительною потребностью»*, и пик и другого тому подобного оружия *«...въ обыкновенномъ домашнемъ быту неупотребленнаго»*, вернуть жителям, чье имущество за участие в мятеже не *«...подвергнуто на общихъ правилахъ Конфискаціи или которья образомъ мыслей своихъ и поведениемъ во время мятежа»* не навлекли на себя подозрение правительства, принадлежащее им оружие и разрешить жителям приобрести в небольших количествах оружия. Наблюдение за исполнением поручалась полиции.

На этих-то решениях комитета император 28 декабря 1831 года и поставил свою резолюцию *«возвратить одни только охотничьи оружія»*.

Отдавая должное прозорливости киевского гражданского губернатора, нужно отметить и тактичность комитета, который так умело интерпретировал предыдущее повеление императора *«Считать все сіе оружіе и вещи отобранные въ казну безвозвратно»* как имевшее в виду *«только оружіе калиберное, или такое, которое открыто было въ несоразмерныхъ запасахъ, а также пикъ и другое оружіе ненужное для обыкновеннаго домашняго употребленія или наконецъ оружіе принадлежавшее лицамъ действительно въ прикосновенности къ мятежу обличеннымъ...»*, что в результате получалось: Николай I не изменял своего решения, а уточнял его.

В январе 1832 года Киевский военный губернатор предписал полиции *«...оповестить всехъ обывателей киевской Губерніи о таковой Высочайшей воли»*, о чём 25 января было сообщено и командиру киевского арсенала. Согласно предписанию военного губернатора городничие и земские исправники должны были для получения оружия в установленный срок своевременно выдавать свидетельства, как в предписании было сказано, приёмщикам, под которыми подразумевались помещики, получавшие изъятое в их имениях в том числе и крестьянское оружие. О выданных свидетельствах следовало уведомлять командира киевского арсенала, которому следовало сообщить и количество отобранного от помещика оружия

По получении жителями из арсенала ружей городничие и исправники должны были представить военному губернатору список, *«...сколько каждый таковыхъ получилъ и на столько ли дано ему было свидетельство»*. Без разрешения военного губернатора запрещалось иметь больше оружия, чем было выдано. В случае необходимости

Князь В. П. Кочубей

Варшавский военный губернатор граф И. О. Витт

приобрести оружие, для получения разрешения военного губернатора следовало обращаться к городничим и исправникам. Последние, в случае, если к ним обращался помещик, испрашивая у военного губернатора разрешения, должны были сообщать, сколько за ним «числится душ и сколько» он намерен купить ружей.

О нарушениях городничие и исправники должны были докладывать военному губернатору, «объясняя кто из поляков сие сделал, у кого и сколько приобрел ружей».

В марте 1832 г. гражданским губернатором были одобрены предложения командира киевского арсенала, согласно которым было предписано откомандировать «одного или двух от каждого места, подведомственных им благонадежных чинов для приема из Киевского арсенала охотничьих ружей для всего города или уезда». Полиции следовало снабжать этих лиц заверенным ею списком, «...кому именно и сколько можно возвратитъ охотничьих ружей и чьи должны остаться въ арсенале», копии которого следовало доставить командиру арсенала, гражданскому и военному губернаторам. Помимо этого на полицию возлагалось следить за тем, чтобы из арсенала требовалось только охотничье оружие и «...и никому не возвращаемо никакого другого оружія», организовать выдачу оружия так, чтобы она «была без всякаго стеснения для жителей и с распискою каждого кому принадлежит ружье».

В Виленской губернии о выдаче оружия почему-то распорядился не губернатор (ни военный, ни гражданский), а губернское правление, потребовавшее от командира виленского арсенала «...возвратитъ оружие на точном основании Высочайше утвержденного 28го декабря 1831 года журнала Комитета », ни словом не разъяснив

в своём отношении, препровожденном командиру виленского арсенала в феврале 1832 года, как это требование следовало выполнять.

В дополнение к этим постановлениям, «...дабы жители возвращенных от Польши Губерний, коим запрещено иметь оружие, не могли приобретать оно...», в июле 1832 года по таможне было сделано распоряжение «...о не пропуске впредь до времени из Ц. Польского в Империю огнестрельного и белаго оружия».

В Ц. Польском оружие выдавалось по постановлению главнокомандующего Действующей армией, объявленному в октябре 1832 года. Для этого желавшим получить оружие следовало получить билет у военных начальников воеводств. Из лиц, выдававших такие билеты, нам известны Варшавский военный губернатор граф Витт; Военный начальник Плоцкого Воеводства генерал-майор Барон Болен; Военный начальник Люблинского Воеводства генерал-майор Гурки. По каким-то причинам по приказу всё того же И. Ф. Паскевича в апреле 1833 года, выдача «оружия обывателям» была приостановлена.

Кстати, о выдаче оружия «обывателям» известно ещё меньше.

Командующим Модлинским Арт. гарнизоном полковником Суловым регулярно писались в Арт Деп рапорты следующего содержания: «На основании Предписания исправляющего Должность Начальника Артллерии Действующей армии Господина Генераль Лейтенанта Гилленимита от 7 прошлаго мая месяца съ №2782 м и по билету варшавскаго военнаго Губернатора Господина Генераль отъ Кавалерии Графа Витта за №1068 м явившимся чиновнику комисіи [приходов и скарба?] Францу вильконскому принадлежащее ему охотничіскія ружья Двух ствольное одно и штуцер один Всего Два каковыя изъ модлинскаго крепостнаго Артиллерійскаго ведомства отпущены...».

В Киевской губернии выдача оружия производилась позже, чем было указано в предписании Военного Губернатора.

В этой же губернии Арт. Деп. была обнаружена неправильная выдача жителям оружия. В конце февраля 1833 года инспектором местных арсеналов в Арт. Деп. была направлена ведомость выданного оружия. В ведомости было указано, кому выдано оружій, сколько и по чьему свидетельству. Почти всё оружие в ведомости было обозначено как охотничье. Только в двух местах фигурировали пистолеты, а сабли и прочее – в одном. Тем не менее департамент «...усмотрел что из Киевскаго Арсенала возвращено некоторымъ лицамъ калиберное и другое оружие ненужное для употреблення въ домашнемъ быту а другимъ хотя и охотничья ружья по Каждому довольно въ большомъ числе». Действительно, помещиком Ламбертом Понятовским было получено 63 ружья, дворянином Антоном Бонецким – 104 ружья, другими – кем 5, кем 3 и т. д. Но не будем забывать, что это оружие могло получаться не на одного человека. Обнаружив нарушения, Департамент 14 апреля 1833 г. докладывает об этом военному министру, а тот – императору. Николай I признал, «...что по обстоятельству настоящаго времени, неудобно снова отбиратъ у жителей Киевской Губерніи единойжды возвращенное уже им оружие». Об этом решении вместе с напоминанием о строгом соблюдении закона

24 апреля было сообщено Левашову, сменившему Княжина на посту военного губернатора.

В мае Арт. Департамент, получив объяснения от командира киевского арсенала ген.-майора Скордули, объявил ему выговор за выдачу оружия, как говорилось в документе, «...по требованиям полиции и Земских судов; Каковых требований онъ Командир Арсенала не должен был удовлетворять будучи известень что они противны Высочайшей воле», хотя за выполнение таких же требований военного губернатора, как указывалось в том же документе, он не нес никакой ответственности. Для ген.-майора Скордули это был хороший урок: наученный горьким опытом, он в октябре 1833 года без предписания военного губернатора не стал исполнять требование гражданского губернатора о возвращении оружия наследникам некоего судьи.

В Виленском арсенале Арт. Департаментом было обнаружено, что не всё поступающее туда оружие учитывалось. Как следовало из взятого у командира арсенала объяснения, неучтённое оружие было невоенным, разного сорта, калибра и совершенно негодное.

В Могилевской губернии в связи с тем, что помещиками Оскирками у какого-то оружейного мастера было обнаружено одно из конфискованных у них ружей, гражданским губернатором Бажановым было предписано полиции произвести по этому поводу расследование.

Основная часть оружия была возвращена в 1832 году и начале 1833 года, но оружие выдавали и в 1834-1835 годах, если, конечно, к этому времени оно не было уничтожено. К концу 1832 года в Арт. Деп. стали поступать запросы командиров арсеналов, что делать с оружием и предложения его уничтожить.

В феврале 1834 года по приказу военного министра в Виленском арсенале была приостановлена разборка оружия и на случай вооружения иррегулярных войск (казаков).

Характеризуя позицию правительства в этом вопросе, можно сказать, что она вполне разумна, хотя и не лишена национализма. Предпринятые государством меры были вполне адекватны сложившейся ситуации. Достигнуто это было благодаря выбранному государством подходу, в котором ключевую роль играла местная власть. Такой подход зависел от личных качеств, компетенции губернаторов наместников и т. д. и мог быть как эффективным, так и наоборот. Хороший тому пример – Киевская и Виленская губернии. Понимая, что без огнестрельного оружия населению губернии не обойтись, власть первой сделала всё, чтобы его вернуть. Во второй даже исполнение высочайшего повеления вернуть охотничье оружие

военным губернатором (возможно и по объективным причинам) было поручено гражданскому, а тем переложено на губернское правление. В результате Артиллерийским Департаментом было решено произвести выдачу оружия в Виленской губернии, как в Киевской.

Заслуживает внимания и эффективная деятельность Арт. Департамента. Осуществляемый им со своей стороны контроль за выдаваемым населению оружием, несомненно, способствовал точному исполнению «...Высочайше утвержденного 28го декабря 1831 года журнала Комитета».

И, наконец. Имеющиеся документы позволяют получить представление о том, каким огнестрельным оружием владели жители Царства Польского и «возвращенных от Польши губерний». Это были самые разнообразные образцы огнестрельного оружия, не только охотничьи ружья, ружья, переделанные из военных в охотничьи, и ружья военного образца, но попадались даже и фальконеты. К 1830 году оружие, которое могло быть как российского, так и иностранного производства, в Ц. Польском и «возвращенных от Польши губерниях» было достаточно распространено: оно было и у крестьян, и у помещиков, и у представителей других слоёв общества.

Для вооружения недовольного российской политикой населения реакционерами была налажена контрабанда оружия из Пруссии и Австрии, которая не прекратилась и после восстания. Именно борьбой с контрабандой и было продиктовано появление в 1842 году «для прекращения злоупотреблений, которые производили пограничные жители Виленской губернии», статьи 1481 Таможенного Устава, а в 1845-м «для отвращения на будущее время беспорядков, близ границы происходивших, и охранения спокойствия, в подтверждение и дополнение существующих уже по сему предмету постановлений» – указа 19078 (см. статью «Особое отношение», «КАЛАШНИКОВ» №3/05). В 1863-64 годах оружие для восставших шло из Англии, опять же через Пруссию.

Закупка оружия производилась на средства «здешних негоциантов». Неудивительно, если впоследствии откроется, что на эти же средства было организовано подпольное производство оружия: в документах упоминается, что во время восстания 1830-31 годов в Кракове был учреждён оружейный завод. Но это тема отдельного разговора. ☞

